

американских отношений. Продолжая общую культурно-цивилизационную традицию различными путями, европейцы и американцы сформировали своеобразные культурные сообщества, которые нередко конкурируют за влияние на развитие мировой цивилизации. Деликатность коммуникативного взаимодействия в этом измерении прослеживается на всех направлениях франко-американского сотрудничества.

1. The Declaration of Independence. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ushistory.org/declaration/document/>
2. Declaration des droits de l'homme et du citoyen de 1789. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.assemblee-nationale.fr/histoire/dudh/1789.asp>
3. Болховитинов Н. История США.– Т.1. (1607–1877) / Болховитинов Н. – Москва: НАУКА, 1983.– С. 248–256.
4. Paterson Th. G., Clifford J. G., Maddock J. American Foreign Relations: A History, to 1920.- Th. G. Paterson, J. G. Clifford, J. Maddock.– Stamford, CT : Cengage Learning, 2009.– P. 51–52.
5. Miller J. J., Molesky M. – Our Oldest Enemy: A History of America's Disastrous Relationship with France / Miller J. J. Molesky M. – Doubleday; 1ST edition, 2004. – 304 p.
6. Paterson Th. G., Clifford J. G., Maddock J. (2009) American Foreign Relations: A History, to 1920.– Th. G. Paterson, J. G. Clifford, J. Maddock.– Stamford, CT : Cengage Learning, 2009. – 368 p.
7. Kaspi A. Introduction : Il faudrait écrire l'histoire des relations militaires entre les États-Unis et la France / A. Kaspi // Revue historique des armées. – 2007/246, [En ligne], mis en ligne le 24 juillet 2008. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL : <http://rha.revues.org/index2293.html>.

ЗАКАЗЧИКИ И БЕНЕФИЦИАРЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Л.Н. Семёнова

Мировые войны являются порождением мировой капиталистической системы. Механизм их возникновения заложен в смене циклов капиталистического накопления и соответственно лидерства стран в международных отношениях и мировой экономике. На протяжении всей истории существования мировой капиталистической системы с XVI века Дж. Арриги выделил четыре системных цикла накопления: испано-генуэзский, голландский, британский и американский. Именно в войнах разрушались структуры старого цикла и устанавливалась гегемония нового лидера, под руководством которого институционализировались элементы и отношения нового цикла.

Так, после Тридцатилетней войны (1618–1648) сформировался голландский цикл капиталистического накопления под водительством небольшой «страны под напряжением» Республики соединенных провинций. После Великой французской революции и войн с наполеоновской Францией в начале XIX века Англия, разгромив своего главного соперника Францию, уверенно стала мировым лидером. И Тридцатилетняя война, и войны с Францией по своей сути были мировыми войнами. В них было задействовано большое число стран, военные кампании проходили на обширных территориях. Но ни в сознании современников, ни в последующей историографии они не зафиксировались как мировые. Первой мировой стала следующая война, которая, как и предыдущие войны, протекавшие в начале веков, точно повинуюсь временным закономерностям примерно столетних циклов капиталистического накопления, разразилась в начале XX века. Эта война стала действительно другой, так как глубокие тектонические сдвиги произошли в недрах самой капиталистической системы, оформленной Pax Britannica.

Первые два цикла капиталистического накопления были временем зарождения мировой капиталистической системы в рамках первоначального накопления капитала и торгово-мануфактурного мирохозяйственного уклада. Финансовые кланы, банкирские дома были еще немногочисленными, и хотя они уже давно посадили на ростовщические крючки большинство европейских правителей, достаточной властью еще не обладали. Если в соответствии

с Дж. Арриги под капитализмом понимать систему контроля над производством, рыночными отношениями и политикой государств [1, с. 6] (а не производства на основе найма свободной рабочей силы и обмена в форме рыночной системы, как это у нас принято), то капиталистическая олигархия делала в этом направлении лишь первые шаги. И здесь ей нужна была вся мощь государства: властная, военная, культурная и т.д. Именно интересы владеющей капиталами олигархии стали краеугольным основанием европейских национальных капиталистических государств нового времени. При этом сама капиталистическая олигархия всегда являлась трансграничным субъектом социального действия. Оформившаяся после Тридцатилетней войны Вестфальская система международных отношений, признававшая суверенитет государств, стала адекватным политическим оформлением складывавшейся единой мировой капиталистической системы. В течение двух первых циклов капиталистического накопления шла взаимная притирка друг к другу капиталов и государств. Правители и государственные аппараты, попадавшие под капиталистический контроль, далеко не обладали полной функцией управления, становясь политическими инструментами капитала.

Британский цикл капиталистического накопления пришелся на пору зрелости капитализма. Капитал в Англии и близких к ней европейских стран ядра капиталистической системы, освоив промышленное производство, финансировал промышленную революцию, индустриализацию, второй и третий технологические уклады. Выстраивая мощную Британскую империю, в территориальных пределах которой «никогда не заходило солнце» капиталистическая олигархия, сросшаяся с английской правящей верхушкой начала движение к подчинению всего мира. В силу экстенсивной природы капитализма, которому постоянно нужны новые рынки сбыта и источники ресурсов, капиталистическая система стремится к расширению, пределами которого может стать лишь весь земной шар. К концу XIX в. земной шар и был в основном поделен между британской и партнерскими колониальными империями: французской, американской (в соответствии с доктриной Монро «Америка для американцев»), голландской, бельгийской и др. Сформировался по определению С.Ю. Глазьева колониальный мирохозяйственный уклад. Если в предыдущих циклах капиталистического накопления мировую капиталистическую систему можно уподобить сети, накинутой на мир, где-то с густыми, а где-то с совсем редкими ячейками, узлами которой выступали торгово-монополистические компании типа Ост-индских, поддерживаемых военной мощью «своих» государств, то теперь капиталистический контроль над периферией ядра капиталистической системы стал структурно оформленным в виде банков, торговых и промышленных предприятий, колониальной администрации, культурных, образовательных и т.д. учреждений. Над этим сочетанием сетевой и территориалистской структуры царила Великобритания, установившая торгово-финансовую и промышленную монополию. Могущество Великобритании позволило ей в одностороннем порядке следовать идеологии и практике свободной торговли, выкачивая из мира прибыли и ресурсы для себя и глобальной финансовой олигархии, сосредоточенной в Лондоне. По словам Дж. Арриги *Rex Britannica* характеризовался «беспрецедентной централизацией мировой власти в руках одного государства – Великобритании» [1, с. 97].

Однако в колониальном мирохозяйственном укладе, подчиненном Великобритании еще остались крупные территориально сплоченные империи, не раскрывавшиеся полностью капиталистическому контролю. Мировая капиталистическая система, набравшись сил, именно в XIX в. повела решительное наступление против зон «слабого развития капитализма», к каковым относились российская и восточноазиатская. «Опиумными войнами» Великобритания решительно приоткрыла двери в Китай и повела своих младших партнеров на борьбу за сферы влияния в нем.

С Россией у Англии была долгая история взаимоотношений, начиная со времен Ивана Грозного. Россия выступала в них как надежный и незаменимый торговый партнер,

поставлявший Англии стратегические материалы для морского флота. При этом Европа научилась втягивать Россию в свои военные разборки, при которых морской Англии удавалось заполучать ее в качестве союзной «шпаги» на сухопутных театрах военных действий. Достаточно вспомнить Семилетнюю войну (1756–1763) и борьбу с наполеоновской Францией в начале XIX в.

В первой половине XIX в. для Англии – «фабрики мира» – Россия стала «фабрикой по производству зерна», «житницей Европы», имея в торговле с ней положительный баланс, чего Англия допустить не могла. Более того Англия не могла мириться с принципиально иной, закрытой для проникновения западных капиталов, пространственной системой – Россией. Как пишет А. Фурсов: «После наполеоновских войн ключевой чертой, осью евразийского и мирового развития становится борьба между двумя типами и логиками геоисторического развития, воплощаемыми североатлантическим, англосаксонским (англо-американским) миром, капитализмом, с одной стороны, и евразийским, русским (русско-советским) миром, представленным самодержавием, а затем коммунизмом, – с другой» [4, с. 114].

Поражение в Крымской войне (1853–1856), развязанной по сути Великобританией против России, означало для России открытие ее экономики экспансии западных капиталов, упразднение промышленного протекционизма, и таким образом постепенное включение в мировую капиталистическую систему в качестве аграрной и сырьевой периферии. Прежде всего, этим воспользовался французский капитал. К началу XX в. Россия так задолжала западным странам, что они уже могли влиять на ее политические решения. Но даже при этом экономический рост России, вышедшей на пятое место в мире по промышленному производству, был настолько серьезен, что вызывал у Запада большую тревогу.

В период затяжного экономического кризиса и депрессии (1873–1896) главный экономический (выйдя на первое место в Европе по промышленному производству) и политический вызов Британии бросила Германская империя. Утратив торгово-промышленную монополию, Англия начала терять и политический вес. Мириться с этим она не хотела. Отбросить своих конкурентов «на обочину истории» она могла только военным путем. Поэтому она и приступила к подготовке такой масштабной войны, в которой планировала расчистить простор для беспрепятственной экспансии мирового капитала, ядром которого был теперь уже англо-американский капитал. Для этого нужно было уничтожить традиционные империи: Германскую, Российскую, Австро-Венгерскую, Османскую, превратив Европу «в одну большую Венецию». Главный удар должен быть нанесен против Германии и России, так как именно они могли бросить реальный вызов Pax Britannica. Как пишет С.Ю. Глазьев: «Российско-Германский союз мог составить самую мощную в то время коалицию, способную стать доминирующей силой в мировой политике и удержать мир от войны, которая не была нужна этим странам, успешно развивавшимся на новой длинной волне экономического роста» [2, с. 221].

Англия все сделала максимально грамотно для развязывания крайне необходимой ей войны. Способствовала созданию межгосударственных коалиций: Тройственного союза и Антанты, в которых были умело разведены Россия и Германия, сотворила удобный casus belli на Балканах. Но кто конкретно? Конечно же не монарх, и не знаменитый английский парламент, и даже высокопрофессиональной английской разведке Ми-6 и спецслужбам тоже далеко не все было подвластно. Капиталистическая олигархия и британский правящий класс в рамках британской гегемонии смогли организовать особые наднациональные криптоструктуры, которые успешно справились с поставленной задачей. Если мировая финансовая олигархия была заказчиком войны, то эти структуры стали ее подлинными устроителями.

К началу XX в. было достигнуто англо-американское финансово-экономическое и политическое единство, скрепленное еврейским капиталом. США к тому времени уже вышли на первое место в мире по промышленному производству. Этой теперь самой могущественной финансовой олигархией после долгих усилий наконец удалось учредить своеобразный центральный банк США – ФРС (Федеральную резервную систему), по сути

неподвластный американскому государству, благодаря которому она смогла установить полный контроль над деньгами, вскоре ставшими мировыми. То, что Первая мировая война разразилась буквально через год после учреждения ФРС в 1913 г. далеко не случайно. Как пишет В.Ю. Катасонов: «Война теперь была нужна банкирам для того, чтобы правительство наращивало свои военные расходы и заимствовало необходимые средства у ФРС, обогащая тем самым главных акционеров Федеральных резервных банков» [3, с. 623]. Так на арену мировой истории вышли, по словам Катасонова, «хозяева мировых денег», они же, по словам Б. Дизраэли, «хозяева истории».

Британский правящий класс, конечно же, задействовал разветвленную масонскую сеть, которую он сам же создавал и контролировал на протяжении почти двух веков. Сознательно или бессознательно, «братья» хорошо поработали на разжигание войны, на разрушение выбранных в качестве целей империй изнутри через революционные и особенно национальные движения. Однако, и этого было недостаточно. А.И. Фурсов пишет: «... остро встала задача создания принципиально новой формы организации закрытых наднациональных структур согласования и управления, подкрепленных британской мощью» [7, с. 269]. Без таких организаций капиталистическая система единая в своей финансово-экономической сфере, но политически раздробленная на разные суверенные государства, не могла функционировать. Главнейшей из таких структур, по словам К. Куигли «одним из важнейших фактов истории XX века», стала «Группа», созданная С. Родсом. А. Милнером, за которыми стояли Ротшильды. В «Группе» выделялось два круга: внутренний и внешний, и ее члены активно работали в политике, журналистике, науке, образовании. По словам Фурсова, члены «Группы» «умело скрывали ее существование, поскольку будучи видными представителями старого привилегированного класса, прекрасно понимали: реальная, т.е. тайная власть намного более важна и эффективна, чем внешняя форма партийно-политического толка; партии и политические организации уже тогда практически превратились в функциональные органы закрытых структур власти (криптоструктур)» [7, с. 272]. Именно «Группа» точно, как по нотам профессионально написанной партитуры, подвела мир к войне, о которой многие говорили и писали, что ее никто не хотел, поэтому ее вполне можно было избежать, что она случайна и т.д. Только так не считала англо-американская финансовая олигархия и ее орудие – структуры мирового согласования и управления. В таких условиях императоры, министры, парламентарии, политики уже действительно ничего не могли сделать. Например, по меткому замечанию А.И. Фурсова, «... царь (Николай II) вел себя по обыкновению вяло, словно полагаясь на волю рока. Роль «рока» исполняли «Группа» и ее агентура» [6, с. 178].

В Первой мировой войне основные цели заказчиков были достигнуты. Четыре империи были разрушены. В их границах образовалась полоса небольших государств, составивших регион Центральной и Юго-Восточной Европы, настезь открытый мировому капиталу и вписанный в Версальско-Вашингтонскую систему. С Россией пришлось сложнее всего. Ее добивали революциями, гражданской войной и прямой иностранной интервенцией. Россия нэповская, введившая после жесткой политики военного коммунизма элементы капитализма, привлекавшая западные капиталы, раздававшая иностранцам концессии, уже вполне устраивала англо-американскую финансовую олигархию. Неслучайно в 1921 г., несмотря на все блокады, объявленные Западом России, был заключен англо-советский торговый договор.

Но в 1930-е гг. произошло непредвиденное. Команда И.В. Сталина, одолев и правую и левую оппозиции, приступила к проведению индустриализации и коллективизации на собственной экономической основе, что позволило Советскому Союзу выйти из мировой финансовой системы. Как подчеркивает А.И. Фурсов: «Команда Сталина свернула проект “мировая революция”, который в лучшем случае сохранял Россию в качестве сырьевого придатка “передового Запада”, в худшем – превращал ее просто в хворост, в расходный материал, и начала строить “социализм в одной, отдельно взятой стране” красную империю –

четвертый Рим как системный антикапитализм» [5]. Советский Союз нарушил правила игры мирового капитализма и соскочил с определенной для него мировым капитализмом периферийной орбиты. Поэтому мировая капиталистическая система пошла на развязывание новой Второй мировой войны. Несмотря ни на что, на первых порах практически в одиночку Советский Союз сломил военную машину гитлеровской Германии и всех ее союзников, возвращенную мировым капиталом. Это была самая честная и бескомпромиссная проверка мощи советской системы. После войны СССР на равных теперь уже с новым лидером капиталистической системы – США в условиях американского цикла капиталистического накопления создал биполярную Ялтинско-Потсдамскую систему международных отношений.

1. Арриги, Дж. Долгий двадцатый век. Деньги, власть и истоки нашего времени / Дж. Арриги. Пер. с англ. – М.: Изд. дом «Территория будущего», 2006. – 472 с.
2. Глазьев, С. Экономика будущего. Есть ли у России шанс? («Коллекция Изборского клуба» / С. Глазьев. – М.: Книжный мир, 2016. – 640 с.
3. Катасонов, В.Ю. Капитализм. История и идеология «денежной цивилизации» / В.Ю. Катасонов. Изд. 4-е доп. – М.: Институт русской цивилизации, 2015. – 1120 с.
4. Фурсов, А.И. Русская власть, Россия и Евразия / А.И. Фурсов // Русский интерес.– М.: Тов-во научных изд. КМК, 2015. – С. 98–181.
5. Фурсов, А. Большая война XX века / А. Фурсов [Электронный ресурс] // Андрей Фурсов: видео, пресса, работы, форум, поиск. – Режим доступа: http://andreyfursov.ru/news/bolshaja_vojna_khkh_veka/.– Дата доступа: 30.05.2016.
6. Фурсов, А. «По-над пропастью, по самому краю». Февральский переворот в русской и мировой истории / А. Фурсов // Наш современник. – 2017. – № 2. – С. 160–182.
7. Фурсов, А.И. Великая война: тайна рождения XX века / А.И. Фурсов // DeAenigmate. О тайне. Сборник научных трудов. 2-е изд. – М.: Тов-во научных изд. КМК, 2017. – С. 245–296.

ВЛИЯНИЕ «ЛИЧНОСТНОГО ФАКТОРА» НА ПРИНЯТИЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (на примере Австро-Венгрии и Германии)

С.М. Пик

“Личностный фактор”, с точки зрения философии, – это совокупность духовных, этических, моральных качеств, идейных, политических, социальных и др. взглядов, которые формируют жизненную позицию личности, ее отношение к действительности, влияют на выбор целей, путей и способов их реализации в процессе развития и усовершенствования. Во взаимодействии политических лидеров, представляющих свои государства на международной арене, “личностный фактор” присутствует постоянно. Исследование влияния этого фактора на принятие внешнеполитических решений в том или ином государстве, а также на развитие международных отношений в целом, несомненно имеет научный интерес.

Летом 1914 г. правящие круги Австро-Венгрии и Германии решимость начать военные действия, уверенные в готовности своих стран к войне и надеясь, что их решимость станет сдерживающим фактором для Российской империи [10, с. 214; 5, с. 20–21]. На самом деле, и Вена, и Берлин были достаточно хорошо информированы о том, как российское руководство относится к конфликту Австро-Венгрии с Сербией, но не уделяли этому должного внимания, поскольку полномасштабное участие России в войне подрывало “победоносные” планы Австро-Венгрии и Германии. Например, начальник австрийского генштаба генерал Ф. Конрад фон Гетцендорф, в принципе, предусматривал возможную угрозу со стороны России и планировал противостоять ей с помощью оборонительной тактики и германской поддержки, а германский генералитет еще в январе 1913 г. отложил разработку альтернативных